

Вадим
Юртин

Последняя
девочка

Вадим Юртин

Последняя девочка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18576142

Последняя девочка: Эдитус;

ISBN 978-5-00058-344-9

Аннотация

«...Я никакой не писатель, поэтому прости мне, мой читатель, возможные филологические огрехи. Ума не приложу, как к тебе попали эти записки, но раз уж ты их как-то раздобыл и читаешь сейчас, значит, ты смог пережить весь этот кошмар, значит, тебе повезло больше, чем мне и моим товарищам. Коли ты выжил, то, скорее всего, принадлежишь как раз к тем, кто всё это организовал...»

Содержание

Из письма доктора	5
Часть 1	8
Начало записей Профессора	8
Воспоминания Профессора о жизни до «взрывов»	11
О «взрывах» и первом годе жизни после «взрывов»	13
Почему я выбрал подземный паркинг?	18
О концепции ядерной зимы и о реальном ядерном ударе со стороны террористов	20
О моих друзьях и о том, как я стал президентом Бункера	23
О втором годе жизни после «взрывов»	26
О моём славном бизнесе в последние десять лет «до взрывов»	29
Об «Исходе»	36
О Плотнике	40
О «Проповеднике»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вадим Юрятин

Последняя девочка

© Издательство «Эдитус», 2016

* * *

Из письма доктора

...Николай Петрович, все медицинские документы нашего пациента я Вам пересылаю, но хочу здесь, по «электронке», написать о нём пару слов.

В общем, имени его мы не знаем. Сколько ни пытались расспрашивать, толку – ноль. О себе ничего не говорит, молчит как партизан, поэтому мы стали называть его меж собой «Иван Ивановичем».

К нам его привезли на «скорой», после того, как подобрали на улице тут, у нас, в посёлке Майском, Юрятинского района. Иван Иванович сидел под окнами какого-то заброшенного дома. Сколько он там просидел, неизвестно, но не ел он уже к тому времени, наверное, дня два, был сильно истощён и обезвожен. Бормотал что-то про последнюю девочку, взрывы, про то, что никто не придёт, и прочее. По всей видимости, его ещё и ограбили, так как никаких денег, ни документов, ни даже телефона при нём не было. Только тетрадка.

Не пытайтесь её, пожалуйста, отбирать. Вообще, парень он не буйный, я бы сказал, даже смирный, если не трогать его тетрадку! А иначе Иван Иванович вдруг превращается из тихони в дикого кота и зло так смотрит, будто его последнего куска мяса лишают! Меж тем, он сам добровольно предлагает всем эту тетрадку почитать, уверяет, что получил её из какого-то «временного разлома». Говорит, что речь в ней идёт

о реальных событиях, которые ещё произойдут «лет так через тридцать». Я взглянул с его разрешения, пролистал, даже снял копию. Направляю её Вам, посмотрите сами. Там какие-то фантазии про каннибализм и педофилию в будущем, ещё какие-то рассказы и рисунки. Очень занятно местами.

Вообще, если честно, по-моему, это просто какой-то переработавший офисный сотрудник. Тетрадку наверняка он сам исписал. Возраст его определить трудно. Когда он к нам поступил, я бы ему дал лет за сорок. Сейчас, когда мы его отмыли, да накормили, выглядеть он стал, скорее, на тридцать. На руке кольца нет, но возможно, что украли. Рубашка у него “Paul Smith”, значит, человек, вообще-то, не самый бедный.

Полицию вызывали, конечно. Полицейские обещали объявить его в розыск, но, сами понимаете, дело это долгое, так что приютите пока Иван Иваныча у себя. У него достаточно интересная форма мании, я потому и прошу Вас его принять. У нас тут ему точно делать нечего, нужна клиника как минимум Вашего уровня.

Мы начали с грандаксина, потом фенозепам на ночь, так он, хотя бы, теперь спит. Там в карте всё есть, конечно, но я так, для проформы, повторяюсь. Вы, Николай Петрович, сами разберётесь, что ему назначить, и меня будете ругать, но, понимаете, мы всё-таки маленькая районная больничка, у меня что есть, то и даю пациентам. Хотя, если Вам интересно моё мнение, то я бы грандаксинчик ещё продлил

на неделю, а потом...

Часть 1

Записки Профессора

Начало записей Профессора

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне с трудом верится, что была ещё какая-то другая жизнь «до взрывов», где не было практики умерщвления «ненужных» людей. А когда вдруг настали эти страшные времена, первыми съели юристов.

Почему я начал именно с поедания юристов, сам не знаю, мне просто надо было хоть как-то начать рассказывать вам об этой нашей «жизни». К тому же у меня мало времени, так что постараюсь выдать самую суть. Алексей дал мне на размышления одни сутки, хотя думать мне, собственно, не о чём, я всё решил сразу, а выделенное мне моим будущим убийцей время я собираюсь потратить на написание всего «этого» без особой надежды на то, что это кто-нибудь прочтёт.

Я никакой не писатель, поэтому прости мне, мой читатель, возможные филологические огрехи. Ума не приложу, как к тебе попали эти записки, но раз уж ты их как-то раздобыл и читаешь сейчас, значит, ты смог пережить весь этот

кошмар, значит, тебе повезло больше, чем мне и моим товарищам. Коли ты выжил, то, скорее всего, принадлежишь как раз к тем, кто всё это организовал. Я имею в виду «взрывы».

Ты, наверное, заранее ко всему подготовился и пересидел несколько лет в специально оборудованном сооружении. А сейчас ты, такой весь бородатый и глубоко верующий, с чувством выполненного долга, ухмыляясь, почитываешь мои записи. Хотя, может быть, ты и не человек вовсе, а инопланетянин, который перебирает своими тремя пальцами эти полуистлевшие страницы, прилетев на нашу опустевшую планету сотню лет спустя. Знаешь ли, я всегда верил в инопланетян. Так и представляю тебя, зелёнького и с огромной головой, медленно моргающего своими жёлтыми глазами. Впрочем, кто бы ты ни был – неизвестно как выживший человек или зелёнький гуманоид с Альфа Центавры, знай: я не особенно тебе завидую, у меня вообще мало осталось чувств. После пятой отрезанной головы чувства куда-то уходят.

Я пишу на старой ученической тетради в 96 листов. Сколько же таких тетрадей мне пришлось повидать! Сначала я в них писал, потом проверял. Стопка непроверенных тетрадей справа перетекала в стопку проверенных слева. Потом, под конец моей преподавательской карьеры, мы перешли на электронные записи. Но до сих пор перед глазами группка студентов, торчащих около кафедры. Формулы, кон-

спекты. Всё, наверное, сторело. Хотя, не знаю. За все эти два года, за всю одну непрерывающуюся зиму до здания университета наши поисковые команды так и не дошли. Туда слишком далеко идти, слишком большой риск встретить других «охотников». Да и что бы я там нашёл? Поглядел бы на свой старый рабочий стол? Или, может, покрутился бы, сидя в своём старом кожаном кресле?

Так, с чего я там начал? С юристов. Ты, наверное, спросишь, почему? Видишь ли, мы подошли к делу научно. В самом начале мы провели социологический опрос: выяснили, кто чем занимается, и у кого какие склонности. В начале второго года результаты этого опроса существенно упростили дело. Оказалось, что у нас тут на три этажа «железобетона», на эти жалкие 7 тысяч квадратных метров, приходится 15 юристов, а в придачу к ним ещё 10 риэлторов, 9 чиновников, 8 учителей, 5 журналистов и даже целых 3 депутата! Короче говоря, тут у нас толпилась уйма никому больше не нужных людей, которым не с кем было сутяжничать, некого было учить, не для кого писать. В условиях жесточайшего дефицита еды мы приняли единственно верное решение.

Меня все тут зовут «Профессором», а настоящее моё имя уже давно слезло с меня, словно сухая змеиная кожа.

Воспоминания Профессора о жизни до «взрывов»

В той далёкой жизни, которая была у меня «до взрывов», я, в общем-то, неплохо, как говорили раньше, устроился. Счастливое детство в относительном по советским меркам достатке плавно перетекло в весёлую юность, полную выпивки, концертов и тусовок с какими-то «неформалами», как их тогда называли.

Потом была кафедра физики твёрдого тела при местном университете, где я благополучно защитил диссертацию в надежде «закосить» от армии. Подавая документы в аспирантуру, я вовсе и не подозревал, что проведу в этих стенах почти двадцать лет. На эти годы университет стал моим домом. Детей у меня нет. С женщинами я встречался, но ни с одной из них так и не смог создать прочного долгосрочного союза.

В последние десять лет своей «старой» жизни я забросил преподавание и внезапно для самого себя впервые занялся настоящим делом. Я с головой ушёл в бизнес, став владельцем весьма успешной компании, которая занималась торговлей секс-игрушками. От теории твёрдых тел я перешел к практике: теперь меня всюду окружали многочисленные твёрдые тела, «лингамы», как их было принято называть в той специфической литературе, которую я продавал.

«Введите свой могучий лингам в её трепещущее йони в позе огнедышащего дракона и подарите ей незабываемое наслаждение». Что-то такое, кажется, писалось в разноцветных книжках с самодвижущимися картинками, на которых нарисованные герои демонстрировали возможности овладения друг другом. За время технологического бума, который случился незадолго «до взрывов», индустрия секс-развлечений шагнула далеко вперёд. Что касается секса «после взрывов», то на этой теме я надеюсь остановиться отдельно, если мне позволит время.

О «взрывах» и первом годе жизни после «взрывов»

В тот год случилось много примечательных событий. В нашем любимом Континентальном Союзе была принята Директива № 132420-6, которая чуть не поставила меня на грань разорения. В одной из азиатских стран президентом избрали известного актёра, ранее прикованного болезнью к инвалидному креслу, а теперь весело бегающего стометровку. Тогда же Африканский континент, объединившийся в Единую Африканскую Конфедерацию, отчитался о достижении рекордного уровня ВВП, превышающего суммарные показатели Китая и США; ну, а в Исламском Халифате официально запретили сотовую связь, Сеть и телевидение, как вещи, противоречащие нормам ислама.

Про Директиву я вам скоро всё подробно расскажу. Что касается восточного президента, то он стал первым киборгом, избранным на столь важный пост, и доказал всем своим недоброжелателям, что человеческому организму для полноценного существования вполне достаточно одного мозга, к которому можно прикрепить надёжное биомеханическое тело.

С Халифатом сначала все боролись как с чудовищным злом, а потом вдруг признали его существование, поскольку, как считали в ООН, «человеку нельзя навязывать одновек-

торную модель развития». Поначалу существование этого государства, поглотившего несколько арабоязычных стран Ближнего Востока, включая, казалось бы, незыблемые монархии Залива, пугало только Израиль. Потом массовая рубка голов на площадях, которая в первое время рассматривалась не иначе как «колоритный национальный обычай, имеющий древние корни», начала пугать «цивилизованный мир» всё больше и больше.

Выяснилось также, что повсюду в этом самом «цивилизованном мире» присутствуют внутренние островки, мини-халифаты, отгороженные от «цивилизации» стенами, живущие по своим законам, не принимающие плоды прогресса, более того, старающиеся всячески от этого прогресса увильнуть. Также вдруг оказалось, что «христиане ничуть не хуже мусульман и тоже имеют право жить в нормальном мире, без ГМО, искусственного оплодотворения, вживлённых в тело чипов и прочих богохульных вещей». В двух исторических центрах христианского мира, Риме и Москве, стали регулярно проводиться какие-то сходки и коллективные молебны, собирающие на площадях сотни тысяч верующих. Забавного вида проповедники в рубищах бродили по городам и весям, призывая людей покаяться. В очередной раз пересмысленный Нострадамус назначил дату конца света, которая, как обычно, не сработала и была привычно перенесена на более поздний срок. Мир раскололся на части. В новом мире мысли отправляли по электронной почте, а в старом

болезни лечили святой водой и молитвой.

Пока политики спорили о невероятно важных для человечества вещах и решали, к примеру, какой объём воды необходим косяку искусственно выращиваемой сельди для полноценного существования в гуманных условиях, какой-то бородатый чудак с ядерной мини-бомбой в рюкзаке залез на вершину вулкана и, перевалившись через стену кратера, неспешно покатился в жерло, чтобы приблизить человечество к «очищению». Его примеру последовали многие другие фанатики. Их целью были вовсе не города-миллионники, «очистители» метили в вулканы, нефтяные месторождения, угольные шахты. Через неделю после первого взрыва по всему миру запылали огромные пожары.

Потом, то ли у кого-то из политиков сдали нервы, то ли они решили, покуражиться напоследок, в общем, то, чего все так боялись, случилось. Иран ударил по Израилю, Израиль по Ирану, затем Пакистан по Индии, а Индия по Пакистану... Последнее, что я видел по телевидению, прежде чем оно навсегда отключилось, были толпы людей, которые бежали по полуразрушенным магазинам в поисках еды. Потом исчезло электричество, а с ним погасли и экраны наших электронных устройств.

На наш город бомбы не падали, однако какой-то придурок из «бородатых», следуя логике своих товарищей или точно выполняя их план, подорвал заряд в одной из заброшенных шахт в паре сотен километров к северо-востоку.

Дальше началось сущее безумие как с природой, у которой появился шанс на реванш у человечества, так и с людьми. Я словно маленький мальчик, купивший билет за десять советских копеек, каждый день наблюдал чёрно-белое кино, в котором толпы людей куда-то постоянно бегут и за что-то всё время сражаются.

Поначалу все старались выжить, по старинке надеясь на государство, социальные службы, армию, президента и прочие атрибуты старого мира. Интересно, кстати, где сейчас наш президент? Ещё правит кем-то, или его уже давно съели за ненадобностью? В общем, хрен с ним, с президентом, равно как и с дружной компанией «серых пиджаков» из КонСоюза!

В первые недели после «взрывов» все ещё держались поодиночке, с трудом оглядываясь вокруг, щуря глаза в непривычном мире реальности. Надо понимать, что просто смотреть по сторонам, не прибегая к помощи различных устройств, все к этому времени уже отвыкли. У кого-то погасли окружающие их разноцветные голографические огни, кто-то впервые за много лет снял виртуальные или полувиртуальные очки, у кого-то просто вышла из строя вживлённая в мозг карта, отвечающая за связь с Сетью. Несчастные одинокие люди слонялись по незнакомым улицам, не зная, как без помощи электронных устройств найти свой дом.

Многие собрали вещи и уехали куда-то за город, к «бабушке на дачу», надеясь, видимо, прокормиться за счёт са-

мостоятельно выращенных овощей. Таких, уехавших «к бабушке» за подножным кормом, было огромное количество. Мне кажется, они умерли одними из первых, через пару месяцев после того как пошёл чёрный снег, похоронивший мечту «дачников» об урожае. Снег постепенно побелел, но не прекратился. Он густо засыпал все дороги, парализовал движение и отрезал различные города друг от друга.

Оставшиеся в живых люди стали постепенно сбиваться в стаи, образуя колонии в крупных рукотворных городских сооружениях.

Почему я выбрал подземный паркинг?

Старый советский учебник ОБЖ, найденный мной в первые дни после «взрывов», учит, что лучше всего от радиации спасает (последовательно, в порядке уменьшения защитных свойств): свинец, сталь и железобетон. Вот только где его взять, этот свинец? Со сталью тоже, знаете ли, трудновато – только, если ты не в прокатном цехе, конечно; а вот с железобетоном полный порядок. Заглублённый на три этажа под землю паркинг являл собой просто-таки идеальное сооружение для того, чтобы переждать в нём короткую (как мне тогда казалось) ядерную зиму. Мало того, что тут был многометровый слой железобетона, защиту представляла и сама земля. А ещё здесь были автомобили.

Вы не представляете, сколько всего полезного можно найти в современном автомобиле! Это не только аккумуляторы, провода, металл и пластмасса, но и бензин (хотя, конечно, сейчас бензиновые двигатели стоят далеко не у всех), и много всего прочего, что можно извлечь из наших «металлических коней».

Вокруг меня постепенно начали собираться люди. Совместно мы стали осваивать окружающее пространство: строить навесы, ставить кровати, пробивать отверстия, укреплять входы.

Сначала мы были настроены очень оптимистично. Нам казалось, что с учётом наших объединённых запасов мы сможем продержаться столько, сколько будет нужно. Правда, никто не понимал сколько, но я, обладая некоторыми познаниями в данной теме, весьма убедительно доказывал своим братьям по несчастью, что по расчётам учёных вся эта канитель не продлится более двух-трёх месяцев. «Да, конечно, – говорил я, – урон природе будет нанесён большой, но в скором времени все эти метели прекратятся, пепел от взрывов осядет, а погода постепенно придёт в норму». «Да, конечно, не всем суждено выжить, – вещал я словно перед своими студентами. – Но мы-то знаем, что нас ожидает, мы подготовимся и выстоим».

Так что наши планы, поначалу казавшиеся фантастическими, стали воплощаться в жизнь. В нашем тёмном «Бункере» появились окна, через которые струился, пусть и тусклый, но свет. Мы обустроили все три этажа, мы запустили несколько ветряков, вырабатывающих электричество. Мы всерьёз собирались разводить коз и свиней, а также посадить плодовые деревья. Мы совершили несколько очень удачных набегов на соседние базы и магазины, в результате чего у нас на первое время появились оружие и еда.

О концепции ядерной зимы и о реальном ядерном ударе со стороны террористов

В далёкие восьмидесятые годы двадцатого века тогдашние великие учёные спорили о концепции ядерной зимы. Они предрекали, что в результате ядерной войны, которая должна была случиться между великими державами, в атмосферу будет выброшено такое большое количество сажи, что оно плотным слоем опутает нашу планету, создав тем самым проблему для проникновения солнечных лучей. В результате начнётся ядерная зима: температура резко понизится, пойдёт снег, земля покроется льдом. Противники этой концепции возражали, что, во-первых, для наступления подобного катаклизма необходимо выделение гигантского количества сажи. Образоваться она может в результате горения огромного количества дерева и тому подобных материалов, а всей массы деревьев Земли недостаточно для получения необходимого количества сажи. Во-вторых, сажа не сможет проникнуть в верхние слои атмосферы, а благополучно опустится на поверхность планеты вместе с так называемыми «чёрными дождями». В-третьих, чёрная сажа, осевшая на поверхности, будет вызывать обратный эффект. Она будет притягивать солнечный свет, тем самым провоцируя,

скорее, ядерное лето, чем зиму. Спор сторонников и противников данной теории продолжался несколько десятилетий и всегда сопровождался надеждой, что человечеству никогда не удастся проверить достоверность этих аргументов на практике. Увы, сейчас, когда мы, всё же, окунулись в этот чёрно-белый апокалиптический туман постъядерного мира, можно констатировать, что ошибались обе стороны.

В своих расчётах спорящие не учли одной свойственной человеку способности: умению чрезвычайно эффективно и даже изысканно уничтожать себе подобных. Учёные исходили из того, что враждующие стороны будут наносить свои удары по территории противника, стараясь нанести максимальный урон крупным городам, а также военной инфраструктуре противника. Это, так сказать, более современный, термоядерный, вариант ведения «цивилизованной» войны. Хотя в ней и погибнут миллионы людей, но когда-то она всё же закончится. Кто-то станет победителем, и по окончании войны будет подписан акт о капитуляции. А потом, лет этак через пятьдесят, президенты побеждённого и победившего государств будут, мило улыбаясь, жать друг другу руки.

Здесь упомянут важный термин – «государство». Да, вот именно, раньше войны шли между государствами, раньше никому и в голову не могло прийти, что можно вести войну просто против людей как вида. Это-то и не было учтено, равно как и многое другое, прежде всего, наличие огромно-

го числа религиозных фанатиков, готовых ради воплощения своих идей пойти на всё, что угодно. Кем они были, эти гениальные безумцы, фанаты Ницше, Христа и Мохаммеда? Живы ли они или сгинули вместе с нами? Может быть, ты, мой читатель, как раз из их числа? Если так, то, что ж: сбылось так, как вы хотели?

Мне, особенно в ходе моих ранних юношеских поисков, всегда казалось, что религия – это прибежище мира и добра, так как же случилось, что принесли вы нам не мир, но меч? Как вас проглядели политики, правительства, семья и школа? Откуда у вас было столько денег, чтобы построить все эти ваши бомбы и ракеты? Сейчас уже, впрочем, это не так и важно. Мне часто вспоминаются слова друга моей далёкой молодости, который, помнится, уверял, что если у человечества есть бомба, то она (прямо, как по Чехову) «обязательно рванёт». А бомбы у нас, к сожалению, были. Впрочем, сейчас не до сожалений, мне надо успеть сообщить за оставшееся время максимум информации, а не вдаваться в ненужные разглагольствования. Незачем тебя грузить, мой далёкий зелёный человечек! А если же ты мой брат-человек, тебе, наверное, уже известны ответы на поставленные выше вопросы.

О моих друзьях и о том, как я стал президентом Бункера

Не могу не упомянуть о своих друзьях, с которыми я провожу, возможно, последние сутки своей жизни. Нас осталось совсем немного, помимо меня тут рядом «Мясник» и «Электрик». Был еще «Плотник», но он увёл почти всех людей с собой, когда устроил «Исход», «Моисей» хренов! (Я ещё об этом расскажу).

Так вот, значит, Мясник и Электрик. Вообще-то, их зовут, соответственно, Михаил Иванович Смышляев и Сергей Владимирович Дядюшкин. Надо же, я ещё это помню! К слову сказать, фамилии, отчества, да и имена тоже мы уже стали постепенно забывать. Они оказались почти так же бесполезны в нашем новом подземном мире, как телевизоры и беспроводные способы передачи данных.

Мясника я выделил почти сразу. Молчаливый крупный мужчина средних лет производил приятное впечатление как раз тем, что мало говорил, но при этом много делал. Он принимал активное участие в постройке различных сооружений, которые мы возводили, обустривая наше подземное жильё. Он вносил весьма ценные предложения. Например, именно ему пришло в голову пробить небольшой тоннель между первым и вторым уровнями паркинга, а также создать «зону препятствий» на главном входе в Бункер. Мяс-

ник всегда был в гуще работы, всё время с какими-то инструментами. Позже, когда пришла пора кому-то взять в руки топор и нож, чтобы продлить существование одних членов нашей колонии за счёт других, он взялся за дело без малейших колебаний.

Электрик первое время был какой-то дикий. Конечно, все мы поначалу были весьма странноваты, обстоятельства, знаете ли, таковы. Но вот он действительно был очень странным. Создавалось ощущение, что всё в этом мире он видит впервые. Впервые трогает руками бетонные стены, впервые ест невкусную похлёбку из «чего-удалось-достать-то-и-ешьте», вообще, впервые ходит и видит белый свет (который к тому времени стал, скорее, чёрным). Тем не менее, он откуда-то всё знал, этакий «Паганель» нашего времени, чьи знания были лишены какой-либо эмпирики. Он за всё брался, всё пробовал, всему радовался как ребёнок, который получил в подарок кучу игрушек. В общем, Электрик оказался тоже весьма полезен в период нашего обустройства. И ещё, он никогда мне не перечил. Все трое, они никогда мне не перечили.

Под третьим я имею в виду Плотника, нашего раскольника, нашего безвременно ушедшего «Аввакума». Это умный и сильный человек, хотя, может быть, немного излишне эмоциональный. Понятия не имею, почему в нашем демократическом мини-государстве именно меня, а не его сделали президентом. Нет, конечно, «Исход» исправил эту историче-

скую ошибку, и народ обрёл-таки своего лидера.

На самом деле, если говорить о моём «избрании», то народ тут особенно не причём. Обычно так и бывало во время современных выборов в органы власти. Три моих товарища, три верных друга подготовили электорат похлеще «довзрывных» средств массовой информации. И если лет пять назад накачанные через Сеть и телевидение избиратели-полуроботы послушно несли свои бюллетени в урны, изображая подлинное волеизъявление, то мы в силу ограниченности средств обошлись подсчётом поднятых рук.

О втором году жизни после «взрывов»

На второй год наша «колония» постепенно стала сокращаться в силу естественных причин: смерть косила одного человека за другим. Для этого, конечно, были предпосылки, но люди умирали, в основном, не от болезней, усталости и недоедания, а от бессмысленности существования. Жизнь «до взрывов» казалась им полной смысла. Теперь же, став никому не нужными, человеческие тела тихонько расставались с душой, скромно пристраиваясь перед этим где-нибудь в уголке, чтобы никому не мешать. Их было очень много, этих смертей «от ненужности» во второй год. Но я не умер. Сейчас мне кажется, что только после «взрывов» в моей жизни и появился смысл. Постоянная битва с окружающей действительностью, непрекращающаяся схватка с природой и последствиями человеческой деятельности придавали мне сил и не оставляли времени для отчаяния. Умерших мы складывали в ледник, формируя запас еды на будущее, так что выжившие никого особо не жалели. Наоборот, умершие «от ненужности» освобождали нас, живых, от неприятных действий по умерщвлению, которые нам пришлось бы предпринимать, не уйди они добровольно.

Плохо то, что к концу второго года после «взрывов» у нас стали умирать девочки. Точнее, стали умирать все особи

женского рода. Сначала у них шла носом кровь, потом начиналось головокружение и тошнота. Все они покрывались какими-то пятнами, а потом очень быстро умирали. Позже я назвал это «Женской» болезнью.

Диспропорцию мужчин и женщин в нашей колонии я заметил не сразу, а когда заметил, то впервые за эти два года испытал чувство полной беспомощности. Неужели мы исчезнем? Растворимся посреди этого чёрного льда, оставив после себя груды железобетонных конструкций. Никто не сможет нас найти ни через десять лет, ни через сто, ни через пару тысячелетий. Но почему именно девочки? Мне всегда казалось, что они, несомненно, сильнее нас, мужчин, что они генетически более приспособлены к любым переменам и могут пережить всё, в том числе и это.

Чтобы сохранить нашу маленькую колонию, нам надо было размножаться, а для этого нужны были мальчики и девочки: те, кто смог бы или продлить агонию нашего подземного существования, или стать новыми «адамами и евами» и заселить землю своими потомками. Я пишу «мальчики» и «девочки», намеренно подчеркивая факт молодости, потому что от поколений «30+» толку уже нет никакого.

После того, как мы поселились в этом паркинге, я что-то не припомню каких-то попыток к совокуплению между различными находящимися здесь особями. А ведь мы жили все вместе, одной большой, чуть не написал «дружной и весёлой», компанией. Тут у нас все были на виду. Никто и не

пытался скрыться и уединиться. Секс, который в «довзрывном» мире был для нас источником наслаждения, вдруг оказался напрочь забытым набором ненужных телодвижений. То, что пердели все вокруг, мучаясь несварением из-за плохо переваренной человечины, это было. А чтобы кто-то «вставил свой могучий лингам в чьё-то трепещущее йони», этого не замечалось. Возможно, сказывалось влияние радиации, но, скорее, причиной была психологическая подавленность и почти всеобщая апатия, вызванная тупым ожиданием неминуемой смерти.

Оптимизм, сопутствовавший нам в течение двух первых месяцев жизни в Бункере, связанный, прежде всего, с надеждой на скорое прекращение подобного сосуществования, сменился беспробудной тоской вместе с осознанием того, что мы здесь застряли надолго. Всеобщая депрессия привела к постепенному отказу членов коллектива от участия в совместных крупных строительных мероприятиях. Лишь несколько человек в нашей команде, прежде всего я, а также уже упомянутые Мясник, Электрик и Плотник что-то ещё продолжали делать. Наш Бункер постепенно приходил в упадок.

О моём славном бизнесе в последние десять лет «до взрывов»

Как я уже писал выше, часть своей прошлой жизни я занимался торговлей предметами, предназначенными для сексуального удовлетворения людей. Бизнес мой рос и развивался. За десять лет мой маленький сетевой магазин превратился в организацию, ставшую одним из лидеров рынка. Мы продавали до тысячи лингамов в месяц. Да что там лингамов! В последнее время мы начали производить совершенно потрясающих со всех точек зрения киберкукол обоих полов, а также множество приспособлений, предназначенных для удовлетворения сексуальных фантазий партнёров с использованием виртуальной реальности.

Не секрет, что в последние годы «до взрывов» мы жили обычно сразу в двух мирах: этом, с дебильными директивами Континентального Союза, всеобщей дезинтеграцией на фоне всеобщей социализированности, а также в ином мире, созданном нами самими с помощью современных технологий. Благодаря технологиям благовоспитанная девушка имела возможность превратиться в гангстера, а отец семейства – в проститутку, то есть, все жили так, как хотели. Понятно, что помимо всего прочего, нашим вторым «я» нужны были и сексуальные отношения. А наша организация с помощью разработанных и запатентованных нами программных

продуктов, как раз и предоставляла людям подобные условия. Многие потребители признавались, что чувства, которые они испытывали, одев наши фирменные костюмы (которые, между прочим, можно было свободно носить как нижнее бельё прямо под повседневной одеждой), значительно превосходят ощущения, получаемые в результате традиционных сексуальных проникновений. Думаю, что наши разработки в этой сфере со временем вытеснили бы обычный секс на задворки истории.

Были, конечно, и проблемы. Основную, если не единственную сложность, составляла вся эта «Континентальная» бюрократия, которая словно для утверждения тезиса о своей нужности штамповала бессмысленные указания, призванные урегулировать все сферы деятельности человека. Какие-то никому не известные люди из каких-то комитетов на основании каких-то непонятных исследований и в угоду различным группам обиженных и униженных меньшинств постоянно принимали какие-то акты, которые нам, людям труда, надо было зачем-то соблюдать.

К подобным «актам» относится и приснопамятная Директива 132420-6. Помню, как я впервые услышал о ней от нашего юриста. Он что-то долго и нудно мне объяснял во время понедельничной оперативки, потом выслал мне текст документа на почту, потом отправил мне «выжимку», выделив всё самое главное. Он постоянно твердил, как это важно, что у нас могут возникнуть проблемы, что надо подготовить-

ся, направить запрос, убраться на всякий случай ряд товаров...

Хороший парень. Где он сейчас? В нашем Бункере он бы точно не спасся, мы же их съели первыми. Может быть, на нашей планете где-то есть страна выживших юристов? Ладно, вернёмся к этой проклятой Директиве.

Юрист так основательно вбивал в меня её содержание, что я, несмотря на мою природную нелюбовь к плодам деятельности государственных структур, всё же смог запомнить её смысл. Вкратце там говорилось о том, что магазины интимных товаров должны продавать свою продукцию так, чтобы это не наносило вред различным социальным группам. Вроде бы, что тут такого? Защита меньшинств – базовый принцип современного общества. Однако наши «контрбюрократы» не ограничились только лишь описанием принципа, они полезли в детали. Для недопущения дискриминации по расовому признаку они потребовали, чтобы не менее 40 % всех лингамов, продаваемых в интим-магазинах, соответствовали «цветовой окраске, соответствующей гражданам, идентифицирующим себя как потомков народов, населяющих Африканский континент». То есть, по-простому говоря, почти половина продаваемых членов должна была быть чёрными, как у негров. Простите меня за это забытое слово. Надеюсь, я никого не обидел.

Ещё они требовали, чтобы наши любимые киберкуклы во время оргазма не произносили слов, которые могли бы «оскорбить религиозные чувства». Мой удивлённый взгляд

после прочтения этого пассажа был настолько красноречив, что нашему юристу пришлось объяснить мне, что это значит: кукла не должна говорить «О, господи!». До сих пор не пойму, а что тут такого? Кроме куклы и её хозяина этот возглас всё равно никто не услышит. Ну, разве что, ещё тот, к кому этот возглас формально обращён: Создатель кварков и бозонов, вещества и антивещества, чёрных дыр и сверхновых звёзд. Но ему-то, я уверен, это глубоко до фонаря.

Далее в этой Директиве затрагивалась тема «равенства всех по сексуальным предпочтениям». Тут, в общем, смысл состоит в том, что ассортимент магазина секс-игрушек не должен никому доставлять неудобств и каким-либо образом кого-либо оскорблять. Например, приходит какой-то человек в наш магазин, а там, на видном месте лежит некая штука, явно предназначенная для сексуального удовлетворения определённой группы людей, в которую он не входит. По этой причине данный посетитель может дико обидеться и даже до неприличия расстроиться. Мы с коллегами голову сломали по поводу того, кого же и чем мы можем обидеть, и куда что поставить в магазине, чтобы случайно не нарушить «равенство всех по сексуальным предпочтениям». Юрист сказал, что лучше бы, на всякий случай, все полки прикрыть занавесками, чтобы вообще ничего в глаза не бросалось. А покупатель сам бы эти занавески открывал, а дальше – как уж ему повезёт. Ох, уж эти юристы! Ладно, в общем-то, всё равно есть Сеть, а там ничего прикрывать не на-

до.

Ещё в Директиве много говорилось о необходимости соблюдения интересов различных меньшинств, и все они подробно перечислялись. Помнится, было там даже какое-то особое слово для людей, предпочитающих, находясь в режиме виртуальной реальности (то есть, с одетыми и включенными приборами, переносящими тебя на короткое время в другой мир), мастурбировать на своих домашних животных. Само слово я забыл, помню только, что наш Верховный Континентальный Суд разбирал по этому поводу жалобы, где меньшинство, предпочитающее зачем-то всё это делать со своими кошечками и хомячками, насмерть билось с защитниками этих самых кошечек и хомячков. Разбирательство длилось несколько лет, и до «взрывов» окончить дело не успели, так что я не знаю, кто оказался прав: хомячки или виртуальные мастурбаторы.

Вышеупомянутая Директива также строго-настрого запрещала продажу киберкукол (в простонародье мы их называли «киблами»), изображающих подростков, «очевидно, не достигших возраста половой зрелости». Чёрт его знает, когда наши подростки достигают этой самой половой зрелости! По мне, так они все какие-то совершенно не половозрелые, несмотря на уроки «сексуального просвещения» и порнографию. Нам вот, помнится, никто никаких уроков не давал, нашими учителями были мы сами. Были, конечно, и отрицательные моменты от этого «самоучения», зато какая это

была школа жизни!

В общем, киблы-подростки были запрещены, а они, без преувеличения, были одним из бестселлеров моего магазина. Худенькие европеоидные «лолиты» в шотландских юбочках с нулевым размером груди и ситцевых трусиках; восточного типа смуглые красавицы, словно сошедшие с экрана анимэ, с чёрным пушком на лобке; пышнобёдрые африканочки в развевающихся платьишках с забранными в «башенку» волосами на голове. В нашем магазине «девочки» были на любой вкус. Кстати, были и «мальчики», использовать их можно было самыми различными способами.

Дальше было много чего ещё, совсем уж бредового, вроде контроля над уровнем холестерина в искусственной сперме, которую выбрасывали лингамы, и максимальным размером груди у кибл. Не хочу ни вспоминать, ни описывать весь этот бред, который «серые пиджаки» изобретали в тиши своих кабинетов для оправдания своего существования.

Последний год до «взрывов» прошёл в бесконечных и бессмысленных судебных тяжбах. Я, равно как и ещё несколько крупных торговых сетей и производителей, работающих в нашей индустрии, пытался оспорить упомянутую Директиву в Верховном суде Континентального Союза. Ещё я оспаривал ограничения, введённые уже нашим местным российским законодательством на основании Директивы. Параллельно я отбивался от налоговой службы, РосКомСекса и КонСоюзСекса, которые пытались приостановить деятель-

ность моих магазинов, а также договаривался с индийскими, нигерийскими и южно-африканскими партнёрами о переносе деятельности в их юрисдикцию. Расходов на юристов стало в десять раз больше. Вместо того чтобы работать, мне надо было куда-то прятать товар, договариваться о его нелегальном перемещении за границу, открывать новые организации, банкротить старые... Я жутко устал от всего этого, но не сдавался.

Об «Исходе»

До сих пор не знаю точно, что с ними случилось, с теми, кто ушёл с Плотником. Вообще, плохо помню, что же тогда случилось. То есть, конечно, помню всё в общих чертах: как мы говорили, точнее, орали друг на друга, как они собирались, как уходили, как мы смотрели им вслед. Помню, что они увели всех оставшихся детей. Я подумал тогда, что всё закончилось, что я умер во второй раз (первый раз я умер вместе со всеми в тот незабвенный день, когда раздались «взрывы», но я тогда ещё и заново родился). Мне было смертельно больно слышать эти обвинения в свой адрес. Дескать, я не туда их вёл, не то говорил, не то обещал, что нечего тут сидеть, что надо с кем-то там объединиться, кого-то искать, что все мы люди и должны помогать друг другу. Тяжело было воспринимать эти слова от того, с кем я так долго жил и работал вместе. От того, кто приложил столько сил и стараний, чтобы превратить этот протекающий от дождей автопаркинг в надёжный Бункер, в наше убежище, где мы смогли переждать бурю, чтобы потом, когда всё уляжется, выйти наружу и начать строить новый мир.

Плотник говорил, что климат за окном начал меняться, что скоро потеплеет и надо менять стратегию, что нельзя сидеть тут и проедать трупы наших бывших товарищей, что меня не для того выбирали президентом, чтобы я заставлял их

сидеть тут взаперти почти без воздуха и света. Ещё он много обидного говорил про мою сестру.

Я, помнится, отвечал ему, точнее, пытался перекрыть его и всю эту, внезапно пришедшую в движение толпу, поясняя им, что все они идиоты, и нужно ещё немного пересидеть здесь; что люди сейчас друг другу не братья, а волки; что надо переждать, пока там, снаружи, не перемрёт максимальное количество наших потенциальных врагов; что у нас здесь сложилась отличная обстановка; что нам для нашего коллектива достаточно еды и в этом наше преимущество. Я орал, Плотник орал, все вокруг орали, Мясник обещал, что пережест всем глотки, Электрик схватился за карабин. Всё это было ужасно! В итоге мы, правда, договорились, что все, кто хочет уйти, может уйти. Мы договорились честно поделить еду, оружие и всё остальное.

Я был уверен, что мне удалось убедить большинство остаться, что большинство выберет меня и стабильность, но нет. Большинство выбрало Плотника и неизвестность. Поняв, что проиграл, я не стал им мешать, меня охватило равнодушие. Трудно заставить человека быть счастливым, нельзя прожить жизнь вместо него. Это их путь и их ошибки.

Они выкопали из ледника часть еды, забрали почти всё оружие, оставив нам лишь два карабина и два пистолета, и отправились в путь. Перед уходом Плотник обсудил с уверовавшими в него людьми, куда им двигаться. Решили первым делом идти к ближайшему крупному торговому центру,

расположенному буквально в трёх километрах от нас на высоком берегу речки, которая когда-то отделяла наш «Трудовой» район от района «Центрального».

Я хотел было предостеречь людей Плотника о том, что никто их там не ждёт, что встретят там их явно неласково, что у них должен быть какой-то план на случай, если с этим торговым центром и его обитателями произойдет конфликт, но не стал. Мне было уже решительно наплевать на них. Единственное, что тревожило меня в этом «Исходе», это то, что они уводят вместе с собой всех девочек до единой.

После их ухода в Бункере стало просторно и гулко. Знаете, что такое заставлять себя жить? Это такое состояние, при котором ты уже, по большей части, не здесь. Всё чаще меня стали мучить видения каких-то межпланетных полётов. Раньше, ещё в той жизни до «взрывов» такое тоже случалось, но тогда мне казалось, что я могу контролировать, даже намеренно вызывать подобные видения ради удовольствия. Теперь же никакого удовольствия не было и в помине. Ни контролировать, ни остановить «полёты» я не мог, поэтому, то ли часами, то ли днями лежал на грудах нашего бункерского барахла, созерцая проносящиеся мимо меня планеты, космические корабли, спутники, звёзды, а по сути это были лишь цифры – нули и единицы. Потом кто-то вытаскивал меня из межзвёздного цифрового пространства, заставлял умыться и отправлял чинить неисправную проводку. Скорее всего, этим «кем-то» был я сам. Хотя, может быть,

это была сестра?

Да, забыл вам сказать, что ещё с нами здесь живет моя старшая сестра. Она, правда, периодически от меня прячется и, вообще, ведёт себя порой очень странно, но я на неё не сержусь. Понимаете, тут все немного со странностями, попробуй-ка пожить пару лет внутри тёмного сырого и холодного железобетонного сооружения вместе с одичавшими «хомо сапиенсами».

Ситуация после «Исхода» была крайне тяжёлая. Некоторые из оставшихся моих собратьев совсем опустили и приготавились, похоже, умирать. В общем-то, чего ещё ожидать от людей, чей президент лежит часами в «отключке» и созерцает нечто, понятное лишь ему одному?

Хотя нас впервые за всё это время перестали мучить «охотники» и просто группы бродяг, мечтающие пожить за чужой счёт, общее психологическое состояние группы было, мягко говоря, удручающим. Не помню точно, сколько прошло времени, наверное, около недели или двух после «Исхода», когда я после очередного своего «полёта» внезапно снова захотел жить. Я, переживший коммунистов, распад страны, нелюбимую работу, потерю бизнеса, гибель большей части человечества, предательство друга, почти сына. Я, потерявший уже всё, что только можно было потерять, вдруг понял, что всё ещё жив, и что не всё ещё кончено.

О Плотнике

Вообще-то, не был он никаким плотником, его звали Дмитрием Яковлевичем Платоновым. Как, наверное, приятно воспринимать на слух собственную фамилию, в корне которой угадывается великое древнегреческое имя. Возможно, это придаёт сил и одухотворяет, а может быть, даже вдохновляет на подвиги. Вся его жизнь – это никому не нужный подвиг. Мы много говорили с ним в тиши наших беспробудно чёрных дней-ночей, он много и с удовольствием рассказывал. Так что мне есть, что про него вспомнить.

«До взрывов» он прожил весьма интересную и, я бы сказал, поучительную жизнь. Конечно, никаким плотником он сроду не был. Он, вообще, был человеком без какого-либо образования. В наш век, когда, куда ни плюнь, везде люди с дипломами, таких уже и не найти.

Его отец был мелким предпринимателем, работавшим в сфере ритуальных услуг. Детство маленького Плотника, тогда ещё Димочки, прошло среди трупов. Конец его жизни проходит примерно в таком же окружении. Небольшой, но постоянный отцовский доход был вполне достаточен для того, чтобы Плотник рос если не в достатке, то уж точно не в нужде. Отец его, как я понимаю, надеялся, что сын пойдёт по его стопам и со временем возьмёт семейный бизнес в свои руки. Плотника же тянуло совсем в другие сфе-

ры. С детства он мечтал стать ни много ни мало музыкантом. Откуда у сына гробовщика тяга к музыке, остаётся загадкой.

На пути к своей мечте Плотник прошёл через многое. В молодости он пил, курил и чёрт-те чем занимался. Однажды даже провёл по приговору суда несколько месяцев в спецклинике для лечения от наркотической зависимости. Как он сам говорил, желание употреблять тяжелые наркотики появилось у него после того, как все заборы в городе зачем-то заклеили жизнеутверждающими плакатами «Наркоман, поверь в себя!». Юный Плотник поверил в себя и плотно сел на опиаты. Из клиники он, правда, вышел с твёрдым желанием завязать, что означало в реальности сменить иглу на бутылку. До самых «взрывов» Плотник много и усердно «употреблял». Помнится, уже здесь, в Бункере, он частенько прикладывался к горячительным напиткам, которые умудрялся находить в процессе наших «поисковых операций». Помимо алкоголя Плотник ещё и курил, хотя с этой привычкой КонСоюз, казалось, окончательно и бесповоротно расправился ещё лет так десять назад. Впрочем, Плотник был, как мне кажется, из последнего поколения, представители которого ещё понимали шутки Жванецкого и были не прочь подымить сигаретой, задумчиво глядя в потолок.

Плотник был трижды женат, однако все три женитьбы каждый раз заканчивались одинаково: скандал, поломанная мебель и развод. Он много где и кем работал. Трудно, наверное, найти сферу деятельности, в которой Плотник не пы-

тался себя найти. По молодости он сначала помогал отцу, мастера «деревянные костюмы» для людей, отошедших в мир иной. Потом, вроде как, попытался осуществить мечту и стать гитаристом в нашей местной рок-группе, для чего усердно осваивал ноты и ходил на репетиции. Однако звездой шоу-бизнеса он не стал, вернее сказать, не стал звездой в том, «довзрывном» мире.

Здесь же, у нас в Бункере, Плотник частенько устраивал мини-концерты, наполняя душный воздух подземелья звуками невесты как сохранённой гитары. Разумеется, это было, скорее, в первую нашу зиму. А ещё точнее, в первые месяцы нашего добровольного заточения в Бункере. Это было славное время, когда мы ещё верили в будущее, строили планы, вообще, всё время что-то строили. Короче говоря, это было ещё тогда, когда все юристы были живы.

Да, ещё Плотник переплыл Волгу, поднимался на Эльбрус, спускался на плоту по горным рекам, умел стрелять из гранатомёта, нырял на глубину 10 метров, побывал в реанимации после устроенной им как-то грандиозной драки, вступившись за честь какой-то девушки. Он умел глазом открывать бутылки с пивом (это такой очень вредный, недавно запрещённый КонСоюзом напиток).

Здесь у нас он, вроде бы, писал какие-то рассказы. Я видел мельком пару раз, как он что-то выводил своим корявым почерком в тетради вроде той, в которой я сейчас пишу сам. Но всякий раз, когда я пробовал заговорить с ним о его

«творчестве», он отшучивался и замыкался в себе. Что ж, каждый имеет право на свою маленькую тайну.

А как он играл на гитаре! И какой совершенно очаровательный тенор был у Плотника! Его песни нельзя назвать выдающимися, но одну из них мы выучили наизусть и подпевали ему все хором: «Никто не придёт». Так что у Бункера был, можно сказать, свой гимн.

Несмотря на все свои плюсы, Плотник, в отличие от меня, был человеком, подверженным эмоциям. Я же к концу жизни стал жёстким реалистом, опирающимся исключительно на здравый смысл. По-моему, эта его мысль об «Исходе» была внезапной и совершенно необдуманной.

Недостаток времени и затаившаяся где-то внутри обида не позволяют мне посвятить этому человеку больше строчек в моём повествовании, а то бы я ещё много чего про него понаписал.

О «Проповеднике»

«Проповедник» появился недавно, чуть раньше, чем Девочка, но чуть позже, чем состоялся «Исход».

Как я уже писал выше, дорогие мои бородатые и зелёные читатели, после «Исхода» мы представляли собой маленькую, но сплочённую группу, лидер которой после непродолжительного периода сомнений в своих силах снова пришёл в себя и принял мужественное решение жить дальше. Хотя нас и осталось всего чуть больше десяти человек, но теперь в нашем коллективе царила абсолютная дисциплина. В Бункере остались только те, кто готов был идти до конца, кто понимал, зачем мы здесь, и почему нам надо выжить. А выжить нам надо было для того, чтобы продолжить род, сохранить человечество и заселить вновь пригодную для жизни планету новыми поколениями людей. Для этой цели нам и нужны были мальчик и девочка.

После «Исхода» у нас остался только один мальчик – сын Мясника по имени Макарка. Это был вихрастый, угловатый подросток. Я его в шутку стал называть «Последним Мальчиком». Вообще-то, он действительно был у нас последним ребёнком мужского пола, этот четырнадцатилетний парень с длинными руками-оглоблями и синими кругами под глазами. Особой красотой он не отличался, хотя я подозреваю, что пара лет жизни в подземном паркинге ко-

го угодно делает похожим на зомби. Но тут, наверное, стали сказываться и последствия радиации, которая медленно, но верно проникала внутрь Бункера сквозь плотные слои бетона. С одной стороны, это могло сказаться на потомстве, но с другой... Возможно, именно такой индивид и нужен был матери-природе для проведения своего селекционного эксперимента. Ведь мальчик выжил, когда все кругом умирали, и, в итоге, стал нашей надеждой на спасение. Было только одно маленькое «но»: для продолжения рода человеческого ему нужно было найти девочку. Новые реалии диктовали новую цель – поиск полового партнера для Макарки.

Мы снова возобновили практику вылазок за пределы Бункера. Вылазки стали проводиться каждый день. Мы начали прочёсывать окрестные дома и постепенно расширяли географию поисков. Однако вместо девочки мы сначала нашли Проповедника.

Он прятался в одном из подвалов вроде бы уже изученного нами ранее вдоль и поперёк дома. Это была старая панельная «шестнадцатиэтажка», которыми наш город застраивали в годы моего безоблачного детства. Проповедник представлял собой странное волосатое существо в лохмотьях, отдалённо напоминающих одеяние священника. Когда он понял, что мы его заметили, то выскочил навстречу и стал что-то быстро говорить, точнее, петь нечто церковнославянское из своей прошлой забытой жизни. Он часто-часто бубнил и крестился, чем привёл нас в некоторое смущение. При-

знать, я думал, что всех священников уже давно съели. Сначала и его я предложил съесть за ненадобностью, но меня неожиданно стали отговаривать от этого Мясник с Электриком.

Смысла сохранять жизнь этому существу не было решительно никакого, однако я почему-то согласился. Конечно, с одной стороны, это был лишний «рот», но, с другой, мне было дико интересно узнать, как же он выжил. Добиться от него правды было совершенно невозможно. Он постоянно переходил на таинственный шёпот, всё время молился, задавал всякие идиотские вопросы, вроде «есть ли у нас икона старца Федора Михайловича, и видели ли мы звезду Полюнь?». Через некоторое время я бросил попытки что-либо у него узнать и предоставил Проповедника, как мы его меж собой прозвали, самому себе.

В Бункере Проповедник развил бурную деятельность. Из железок и разного хлама он соорудил в углу некое подобие церкви. Сестра сказала мне, что от этого может быть толк, так что я ему не препятствовал. Хотя, какой может быть толк от бормотания бородатого человека перед грудой, сделанной непонятно из чего? Но я с сестрой не спорил. Кстати, Проповедник весьма уважал мою сестру и часто просил меня переспросить у неё что-либо, при этом напрямую заговорить с ней он не решался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.